

Бывшихъ подѣ властью Отрея и равнаго богу Мигдона.
Лагерь тогда ихъ раскинулся вдоль береговъ Сангарійскихъ.
Къ нимъ-то пришелъ я и былъ, какъ союзникъ, межъ ними зачисленъ,
Въ день когда мужеподобныя также пришли Амазонки.
Все-жъ они менѣ были числомъ черноокихъ Ахейцевъ“. 190.

Послѣ того Одиссея увидѣлъ старикъ и промолвилъ:
„Ты назови мнѣ, дитя дорогое, и этого: кто онъ?
Ниже онъ ростомъ своимъ Агамемнона, сына Атрея,
Кажется шире его за то онъ плечами и грудью.
Снялъ онъ оружье съ себя, положилъ на кормилицу землю, 195.
Самъ-же, какъ будто баранъ, межъ рядами мужей пробѣгаетъ.
Да, онъ по-истинѣ кажется мнѣ густошерстымъ бараномъ,
Что чрезъ стадо большое овецъ бѣлорунныхъ проходитъ».

И, отвѣчая, сказала Елена, рожденная Зевсомъ:
«Это—Лаэрта дитя, Одиссей многоумный, кто выросъ 200.
Между народомъ, живущимъ въ Итакѣ весьма каменистой.
Знаетъ онъ хитрости всѣ и разумные знаетъ совѣты».

Мудрости полный тогда Антеноръ, отвѣчая, промолвилъ:
«Женщина, слово сіе ты сказала по-истинѣ вѣрно.
Въ прежніе дни приходилъ ужъ сюда Одиссей богоравный, 205.
Посланный ради тебя съ Менелаемъ, любезнымъ Арею.
Ихъ, какъ гостей, принималъ я въ чертогѣ своемъ дружелюбно;
Близко тогда изучилъ я ихъ образъ и мудрость совѣтовъ.
Оба въ собранье пришли и съ толпою Троянцевъ смѣшались.
Стоя, изъ нихъ Менелай былъ значительнѣй плечъ шириною, 210.
Сидя-же рядомъ вдвоемъ, Одиссей величавѣй казался.

А какъ настала пора обнаружить въ рѣчахъ свои мысли,
Началъ сперва Менелай говорить намъ—отрывисто, скоро,
Въ краткихъ и ясныхъ словахъ, —оттого-ль, что онъ врагъ многословья,
Сбивчивыхъ, длинныхъ рѣчей,—оттого-ль что годами былъ младшій. 215.
Быстро поднялся затѣмъ Лаэртидъ Одиссей многоумный.

Стоя онъ внизъ все глядѣлъ, устремивши глаза свои въ землю.
Не наклонялъ онъ жезла ни впередъ, ни назадъ, но подобно
Мужу, къ рѣчамъ непривыкшему, вовсе держалъ неподвижно.
Вы-бы сказали, что это неистовый мужъ иль безумный. 220.

Но какъ потомъ изъ груди своей голосъ издалъ онъ могучій,
И полетѣли слова, будто снѣжныя хлопья зимою,
Съ нимъ состязаться уже не дерзнулъ-бы никто изъ живущихъ.
И не дивились мы больше, наружность его созерцая».

Третьимъ увидѣвъ Аякса, старикъ, вопрошая, промолвилъ: 225.